

ПРАВО

УДК 341.9

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНОГО ЗАКОНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Блинова Ю.В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

В настоящей статье рассматриваются вопросы правового статуса юридического лица в контексте международного частного права. Автор обращается к трем классическим критериям определения личного закона юридического лица, анализирует достоинства и недостатки их использования с учетом современного зарубежного и российского законодательства. На основе проведенного исследования делается вывод о моно- и полиподходах к определению личного закона юридического лица при сохранении в качестве генеральных критериев – критерия инкорпорации и критерия оседлости.

Ключевые слова: личный закон юридического лица; критерий инкорпорации; критерий оседлости; критерий центра эксплуатации; зарубежное законодательство.

DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-03-77-84

Вопрос правового статуса юридических лиц в контексте международного частного права представляет чрезвычайную сложность в силу ряда причин. Во-первых, юридическое лицо как порождение конкретного правопорядка выступает национальным явлением: «создавать юридические лица властен только законодатель; но власть всякого законодателя останавливается у границ территории нации, которая вверила ему законодательную мощь» [Лоран, цит. по: 1, с. 317]. Во-вторых, юридическое лицо как порождение конкретного правопорядка выступает уникальным явлением: разумеется, есть виды юридических лиц, известные многим правопорядкам, хотя и здесь о полном тождестве таких лиц говорить не приходится; но в целом местный законодатель не ограничен в своем праве на создание юридических лиц, вследствие чего «некоторые примитивные народы наделяют животных, растения или реки юридической правоспособностью» [2, с. 324].

Частноправовое регулирование правового статуса юридического лица связывается с его личным законом (статутом). На протяжении развития международного частного права для определения личного закона юридического лица законодателями и учеными разных стран выработано несколько подходов: критерий инкорпорации, критерий оседлости (центра управления), критерий центра эксплуатации [2, с. 324-330; 3, с. 70; 4, с. 364-365; 5; 6, с. 185-188; 7; 8, с. 118-122; 9, с. 308-310; 10, с. 78-86; 11, с. 368-373; 12, с. 37-38]. Поскольку, как уже отмечалось в других работах, представляется, что четвертый подход – т. н. теория контроля – связана с установлением национальности юридического лица, служит публично-правовым интересам и применяется в чрезвычайных обстоятельствах [13; 14], то в данной статье она обсуждаться не будет.

Критерий инкорпорации исходит из утверждения, что личным законом юридического лица признается закон, по которому это лицо было образовано. По словам М. Вольфа, «эта доктрина берет свое начало в архаической концепции, по которой предоставление юридической субъектности нефизическому лицу является как бы исключительным актом милости, и государство, дарующее эту милость, тем самым создает закон, по которому это искусственное (юридическое) лицо должно “жить» [2, с. 328]. Сходное понимание сущности юридического лица встречается в трудах отечественного юриста А.Н. Макарова: «Хотя для юриста и физическое лицо как субъект права является созданием правопорядка (курсив – Ю.В. Блинова), но эта правовая субъектность относится к физическому единству – человеку. Субъектность юридических лиц есть субъектность не физического, а искусственного единства, единства, созданного из множества физических лиц» [3, с. 68-69].

В литературе отмечается, что «критерий места учреждения юридического лица стал

применяться в Великобритании уже в XVIII в. Потребности британской колониальной империи обуславливали необходимость учреждения компаний по английскому праву с одновременной гарантией применения этого права в месте фактической деятельности компаний за пределами территории Великобритании» [5; 10, с. 79].

Сегодня этот подход принят российским, американским, немецким правом и реализуется также в ряде других государств. Например, в соответствии со статьей 12 Закона Республики Азербайджан о международном частном праве личным законом юридического лица является право государства, в котором оно было учреждено [15, с. 36]. Аналогичные нормы предписаны к применению законодателями многих стран (п. 1 ст. 1272 ГК Республики Армения, ст. 1111 ГК Республики Беларусь, абз. 1 ст. 17 Закона Боснии и Герцеговины о разрешении коллизий законов с положениями других стран в определенных отношениях, ст. 11 Закона Бразилии о введении норм бразильского права, ст. 20 Закона Венесуэлы о международном частном праве, п. 1 ст. 676 ГК Вьетнама [15, с. 92, 107, 170, 191, 236, 253]). Привлекает внимание по-аптекарски точная формулировка личного закона юридического лица, содержащаяся в пункте 1 статьи 25 Закона Италии № 218 от 31 мая 1995 года реформа итальянской системы международного частного права и нейтрализующая темпоральную коллизию: «право государства, на территории которого был завершен процесс учреждения юридического лица», что особенно ценно во время геополитической динамики [15, с. 338].

Как указано в комментариях к статье 1202 ГК РФ, формулировка «право места учреждения» охватывает более широкий круг случаев, поскольку не во всех странах образование юридического лица опосредуется его регистрацией [16]. Однако ряд стран четко указывают в рамках критерия инкорпорации на право места регистрации: так, статья 15 Закона Албании № 10428 от 2 июня 2011 года о международном частном праве предписывает, что юридические лица регулируются правом государства, в котором они зарегистрированы [15, с. 44]. Кроме Албании такая же формулировка заложена в законодательстве Болгарии, Венгрии, КНР, Северной Македонии (ст. 56 (1) Кодекса международного частного права Болгарии, § 22 (1) Закона Венгрии XXVIII 2017 года о международном частном праве, ст. 14 Закона КНР о применении права к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом, ст. 21 (1) Закона Северной Македонии о международном частном праве [15, с. 152, 210, 392, 707].

В доктрине обращается внимание на обстоятельство, что основными преимуществами критерия инкорпорации являются легкость практического применения (личный закон считается из устава); предсказуемость правового регулирования (стабильность в течение всего периода существования юридического лица) [5; 10, с. 79-80]; сохранение правосубъектности юридического лица при переносе своей деятельности в другую страну [8, с. 119]. Попутно заметим, что при отсутствии информации о месте нахождения органа управления в уставе суды рассматривают в качестве места нахождения органа управления место, где управленческое решение трансформируется в повседневную деятельность [7].

Слабой же стороной критерия инкорпорации выступает факт, что закон места образования юридического лица и закон места его пребывания иногда не совпадают по соображениям «не всегда очень достойного характера», как следствие – появление на практике т. н. «компаний почтового ящика» (Briefkastenfirmen). Кроме того, при образовании юридического лица учредители, как правило, руководствуются интересами мажоритариев и менеджмента в ущерб миноритариям, работникам и кредиторам [5; 10, с. 80].

В этой связи законодательство некоторых государств предусматривает специальные правила, проявляющиеся по сути в комбинировании известных критериев. Так, в статье 20 Закона Венесуэлы о международном частном праве особо оговаривается, что под местом учреждения юридического лица «понимается место, в котором выполняются формальные и материальные условия, требуемые для создания таких лиц» [15, с. 236]. Статья 37 Закона № 544-14 от 15 октября 2014 года о международном частном праве Доминиканской Республики предписывает, что «коммерческие компании и индивидуальные предприниматели с

ограниченной ответственностью регулируются правом государства, на территории которого они были учреждены и имеют свое местонахождение» [15, с. 308-309]. Или: в статье 17 Закона Боснии и Герцеговины о разрешении коллизий законов с положениями других стран в определенных отношениях формально закреплено определение личного закона юридического лица по праву места учреждения; вместе с тем в абзаце 2 этой же статьи приводится уточнение: если юридическое лицо имеет фактическое местонахождение в другом государстве, а не в том, в котором оно было учреждено, и имеет по праву этого другого государства его принадлежность, то оно считается юридическим лицом этого государства [15, с. 170]. Соответственно, фактические отношения в данном случае выходят на первый план; одновременно следует учитывать мнение другого государства по правовому статусу этого юридического лица, что в конечном итоге демонстрирует проблему сочетания и взаимодействия двух основополагающих принципов международного частного права – автономии воли сторон и наиболее тесной связи [W. Ebke, цит. по: 10, с. 81]. Тем не менее «опасность обхода закона в ущерб публичным интересам этим не устраняется, так как конечный вывод может зависеть от позиции, которое займет иностранное государство» [2, с. 330].

Завершая рассмотрение критерия инкорпорации, представляется необходимым сделать оговорку по поводу его монополии в статье 1202 ГК РФ [17]. Думается неправильным утверждать, будто российский законодатель полностью игнорирует место нахождения управления юридическим лицом, на что справедливо указывала И.В. Гетьман-Павлова [9, с. 314]. Дело в том, что вопросы корреляции места нахождения управления и регистрации юридического лица составляют предмет гражданского права, а не международного частного; поэтому можно утверждать, что критерий оседлости не чужд российскому международному частному праву, но реализуется латентно. Равным образом можно предполагать и латентное применение критерия инкорпорации в странах, придерживающихся критерия оседлости как основного; например, контролирующие органы в Германии при несоответствии реальной и статутной оседлости призывают юридическое лицо к устранению данного несоответствия, из чего Л. Раапе делает важный вывод: различия между критериями инкорпорации и оседлости не столь велики, как это кажется [18, с. 189, 184]. В результате реформы международного частного права 2013 года в пункте 4 статьи 1202 ГК РФ к субсидиарному частичному применению прописан критерий центра эксплуатации, что демонстрирует, скорее, плюрализм критериев личного закона юридического лица в ГК РФ.

В основе критерия оседлости лежит идея, согласно которой личный закон юридического лица следует определять по закону места, где осуществляется торговая деятельность (для коммерческой организации) или осуществляются цели (для некоммерческой организации) юридического лица, чем подчеркивается экономико-политическая связь юридического лица с государством [8, с. 119]. Эта теория «логична и удовлетворительна; избранный критерий таков, что всякий вступающий в деловое соприкосновение с корпорацией легко может проверить ее место пребывания, так как главный центр управления едва ли можно держать в секрете» [2, с. 326]. Важно понимать, что речь идет именно о фактической, а не статутной оседлости. Впервые теория оседлости стала применяться в середине XIX века французскими судами как реакция на имевшие место злоупотребления, обусловленные дефектами теории инкорпорации [5; 10, с. 81].

Например, в силу § 10 Федерального закона Австрии от 15 июня 1978 года о международном частном праве личным статутом юридического лица или какого-либо другого объединения лиц или имуществ, которое может быть носителем прав и обязанностей, является право того государства, в котором этот носитель прав имеет фактическое местонахождение своего главного органа управления [15, с. 29]. Аналогичные нормы используются и в законодательстве о международном частном или гражданском праве, например, Алжира, Анголы, Афганистана, Восточного Тимора, Гвинеи-Бисау, Греции и др. (абз. 2 ст. 10 ГК Алжира, п. 1 ст. 33 ГК Анголы, ст. 18 ГК Республики Афганистан, п. 1

ст. 32 ГК Восточного Тимора, п. 1 ст. 33 ГК Гвинеи-Бисау, ст. 10 ГК Греции [15, с. 64, 70, 97, 245, 261, 285]).

Соответственно, преимуществами критерия оседлости выступают учет фактических обстоятельств при определении личного закона юридического лица, а также невозможность обхода императивных норм в государстве, где осуществляется хозяйственная деятельность юридического лица и его управление; кроме того, в силу критерия оседлости можно проще изменить личный закон [12, р. 38]. Простота изменения личного закона юридического лица, определяемого по критерию его оседлости, зачастую соседствует со злоупотреблениями, о чем красноречиво говорят нормы иностранного закона: как следует из статьи 7 Дахира от 12 сентября 1913 года о гражданском статусе французских граждан и иностранцев во французском протекторате Марокко, «гражданство компании определяется законом страны, в которой находится местонахождение компании, *без обмана* (курсив – Ю.В. Блинова)» [15, с. 470]. Вместе с тем особенности корпоративного права привносят сложности в коллизионное регулирование: в разных странах присутствует разное видение органа управления юридического лица, осуществляющего решающее по смыслу международного частного права управление (общее собрание, наблюдательный совет, правление и пр.) [10, с. 82].

В качестве недостатка критерия оседлости приводится мнение о невозможности трансграничной миграции компании (адаптация юридического лица) [цит. по: 2, с. 326], однако законодательство как отдельных европейских государств, так и единообразное законодательство и судебная практика Европейского Суда современного периода показали, что это не совсем так [подробнее: 19]. Тем не менее многие государства в целом отрицательно относятся к трансграничной миграции компаний, вследствие чего, например, в России на законодательном уровне такая возможность предусматривается только по воле публичного лица, что демонстрируется законодательством о международных компаниях.

В основе вышеназванной проблемы лежит проблема признания юридического лица: А.В. Асосков приводит в качестве примера ситуации положительной и отрицательной коллизии коллизий. Сказанное имеет определенное сходство и с проблемой коллизионного регулирования физических лиц (разное понимание границ правоспособности и дееспособности), однако же в отношении физических лиц невозможна ситуация, вследствие которой отсутствие личного закона приведет к утрате правосубъектности физического лица, ибо его правосубъектность – это общепризнанная норма международного права; в то же время, поскольку институт юридического лица, как говорилось выше, является порождением национального закона, то непризнание юридического лица ни одним из законов должно вести к выводу об отсутствии у него субъектности [5; 10, с. 82-83]. Вместе с тем современная жизнь предлагает новые вопросы, в частности, о возможности изменения границ правосубъектности юридического лица действиями частных лиц или иностранного суверена, если в силу личного закона оно считается прекратившим существование.

Развитием критерия оседлости выступает критерий центра эксплуатации, когда «было предложено заменить центр управления центром эксплуатации, т. е. основным местом, где юридическое лицо осуществляет свою цель, ... эксплуатирует свои угольные копи, где работает его лесопильный или пивоваренный завод или фабрика» [2, с. 327]. В данном случае вопрос встает о приоритете для юридического лица либо управленческой деятельности его директоров («мозг компании»), либо хозяйственной деятельности (там, где идет производство, совершаются изобретения). Но, по справедливому замечанию все того же М. Вольфа, как правило, действия, способные породить юридические обязательства, производятся чаще всего не на рудниках; кроме того, у компании может быть не один рудник [2, с. 327].

Сегодня критерий центра эксплуатации используется в развивающихся странах, которые тем самым стремятся домицилировать иностранные компании, зарегистрированные за границей или с управлением из-за границы, но осуществляющие хозяйственную деятельность в этих странах [5; 10, с. 83-84]. Например, согласно статье 7 Закона Таиланда о

коллизии законов «в случае коллизии в отношении национальности юридического лица ею является национальность страны, в которой оно имеет свой главный офис или основное место деятельности» [15, с. 826]. В силу же статьи 43 Кодекса международного частного права Туниса «правосубъектность юридических лиц регулируется законом государства, в котором они были учреждены, или, когда речь идет об их деятельности, законом государства, в котором они осуществляют эту деятельность» [15, с. 844]. Как видно, подобный тунисскому законодательный материал подвиг О. Сандрока и Г. Грассмана к созданию теорий смешанного личного закона юридического лица [10, с. 84-85].

Недостатками критерия центра эксплуатации выступают неопределенность и неустойчивость: крупные компании в состоянии иметь множество филиалов, в т. ч. в течение короткого промежутка времени мигрировать может не только орган управления, но и производство [5; 10, с. 84]. Кроме того, считается, что критерий центра эксплуатации сегодня все же теряет самостоятельное значение и чаще применяется в совокупности с другими критериями [20]. Например, как следует из статьи 11 ГК Арабской Республики Египет, «правовой статус иностранных юридических лиц ... подчиняется праву государства, на территории которого находится фактический основной центр управления юридическим лицом. Если, однако, юридическое осуществляет свою основную деятельность в Египте, о применяется египетское право» [15, с. 319]. Аналогичные нормы разработаны и в других государствах (ст. 12 Закона Бахрейна № (6) от 2 июля 2015 года, ст. 24 ГК Йемена, ст. 12 ГК Катара, ст. 34 Закона Кувейта № 5/1961 от 14 февраля 1961 года о регулировании правоотношений с иностранным элементом, ст. 11 ГК Ливии, ст. 8 Кодекса обязательств и договоров Мавритании [15, с. 100, 351, 371, 403, 418, 458]).

Примечательно, что в Национальном Гражданском Законе Непала от 2017 года для определения личного закона юридического лица установлен целый каскад критериев, включающий все три известные (п. 693 [15, с. 535]). По мнению непальского законодателя, возможны ситуации, когда место регистрации и место нахождения управления юридического лица невозможно установить и на помощь должен прийти критерий центра эксплуатации.

Как правило, гражданское или международное частное законодательство оговаривает коллизионное регулирование личного закона образований, не являющихся юридическими лицами по иностранному праву. Например, согласно статье 16 Закона Албании № 10428 от 2 июня 2011 года о международном частном праве ассоциации и организации без образования юридического лица регулируются правом государства, в котором они организованы [15, с. 44]. Анализ зарубежного законодательства показывает, что на неправосубъектные образования зачастую распространяется порядок определения личного закона, установленный для юридических лиц, иногда, более точно, с оговоркой *mutatis mutandis* (ст. 1203 ГК РФ, ст. 1274 ГК Республики Армения, ст. 1110 ГК Республики Беларусь, ст. 57 Кодекса международного частного права Болгарии, § 22 (5) Закона Венгрии XXVIII 2017 года о международном частном праве, ст. 21 Закона Польши от 4 февраля 2011 года международное частное право [17; 15, с. 92, 107, 153, 210, 637]).

В законодательстве о международном частном или гражданском праве ряда стран государство как участник частнопровых отношений, осложненных иностранным элементом, приравнивается по статусу к юридическим лицам, при этом оговариваются исключения, которые устанавливаются внутренним законом (ст. 1275 ГК Республики Армения, ст. 545 ГК Монголии, ст. 2072 ГК Перу и др. [15, с. 93, 529, 628]).

Таким образом, на основе проведенного исследования можно заключить, что для определения личного закона юридического лица в различных государствах по-прежнему используются три критерия, два из которых (критерии инкорпорации и оседлости) выступают в качестве генеральных. При этом целесообразно говорить о тенденции обслуживания коллизионного законодательства государств одним (единым) критерием (моноподход), либо одновременно набором критериев (полиподход) – во избежание недостатков от их одиночного применения.

Список использованных источников

1. Брун М.И. Международное частное право // Золотой фонд науки международного права. Т. II. – М.: Международные отношения, 2021. – С. 103-328.
2. Вольф М. Международное частное право / под ред. и с предисл. проф. Л.А. Лунца. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. – 703 с.
3. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1924. – 146 с.
4. Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.
5. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021 // СПС Гарант.
6. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – М.: Проспект, 2015. – 656 с.
7. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др. / отв. ред. Н.И. Марышева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ, 2018 // СПС Гарант.
8. Вознесенская Н.Н. Юридические лица в международном частном праве России и Европейского Союза // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 109-144.
9. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник. – М.: Юрайт, 2013. – 959 с.
10. Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут, 2015. – 764 с.
11. Briggs A. The Conflict of Laws. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 393 p.
12. Rogerson, P. Collier's Conflict of Laws. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 454 p.
13. Блинова Ю.В. Теория контроля в современном международном частном праве // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения: сборник научных статей. Ч. 1 / VII международная научно-практическая конференция (27 марта 2017 г.). – Барнаул: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. – С. 175-179.
14. Блинова Ю.В. Теория контроля в редакции 2022 года // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения: сборник научных статей. Ч. 1 / XII международная научно-практическая конференция (20-21 апреля 2022 г.). – Барнаул: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2022. – С. 101-108.
15. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / Сост. и ред. В. Плеханов. – М., 2021. – 1112 с.
16. Настольная книга нотариуса: в 4 т. Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности (т. 4) / под ред. И.Г. Медведева. – М.: Статут, 2015 // СПС КонсультантПлюс.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
18. Раапе Л. Международное частное право / сокр. пер. с 4-го нем. изд. А.М. Гурвича; под ред. и с предисл. Л.А. Лунца. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 608 с.
19. Блинова Ю.В. Адаптация юридического лица в странах ЕС // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 3. – С. 9-12.
20. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2016 // СПС КонсультантПлюс.

Сведения об авторах

Блинова Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». Адрес: 656049 г. Барнаул, пр-т Социалистический, 68; e-mail: jblinova@yandex.ru.

UDC 341.9**VARIABILITY OF THE PERSONAL LAW OF A LEGAL ENTITY**

Blinova Yu.V.

Altai State University, Barnaul

The article deals with the legal status of a legal entity in the context of private international law. The author refers to three classical criteria for determining the personal law of a legal entity, analyzes the advantages and disadvantages of their use, taking into account modern foreign and Russian legislation. Based on the study, we conclude about mono- and poly-approaches to the definition of the personal law of a legal entity, while maintaining as general criteria – the incorporation criterion and the settlement criterion.

Key words: personal law of a legal entity; incorporation criterion; settlement criterion; operation center criterion; foreign legislation.

References

1. Brun M.I. International Private Law // Golden Fund of Science of International Law. Vol. II. – M.: International Relations, 2021. – P. 103-328.
2. Wolf M. Private International Law / ed. by and with preface of prof. L.A. Lunts. – M.: Public Publishing House of Foreign Literature, 1948. – 703 p.
3. Makarov A.N. Basic Principles of Private International Law. – M.: Law Publishing House of the PCJ of the RSFSR, 1924. – 146 p.
4. Lunts L.A. Course of Private International Law: In 3 vol. – M.: Spark, 2002. – 1007 p.
5. Boguslavsky M.M. Private International Law: A Textbook. – M.: Norma: INFRA-M, 2021 // LRS Garant.
6. Private International Law: A Textbook / resp. ed. G.K. Dmitrieva. – M.: Prospekt, 2015. – 656 p.
7. Private International Law: A Textbook / V.N. Borisov, N.V. Vlasova, N.G. Doronina et al. / resp. ed. N.I. Marysheva. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; LEGAL FIRM CONTRACT LLC, 2018 // LRS Garant.
8. Voznesenskaya N.N. Legal Entities in Private International Law of Russia and the European Union // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 12. – No. 2. – P. 109-144.
9. Getman-Pavlova I.V. Private International Law: A Textbook. – M.: Yurayt, 2013. – 959 p.
10. Private International Law: A Textbook: In 2 vol. Vol. 2. Special part / resp. ed. S.N. Lebedev, E.V. Kabatova. – M.: Statute, 2015. – 764 p.
11. Briggs A. The Conflict of Laws. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 393 p.
12. Rogerson, P. Collier's Conflict of Laws. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 454 p.
13. Blinova Yu.V. Control Theory in Modern Private International Law // Society. Economy. Culture: Actual Problems, Practice of Solution: Collection of Scientific Articles. Part 1 / the 7th International Scientific and Practical Conference (March 27, 2017). – Barnaul: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2017. – P. 175-179.
14. Blinova Yu.V. Control Theory Amended in 2022 // Society. Economy. Culture: Actual Problems, Practice of Solution: Collection of Scientific Articles. Part 1 / the 12th International Scientific and Practical Conference (April 20-21, 2022). – Barnaul: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2022. – P. 101-108.

15. Private International Law. Collection of National Codifications / comp. and ed. by V. Plekhanov. – M., 2021. – 1112 p.
16. Handbook of a Notary: In 4 vol. Private International Law, Criminal Law and Procedure in Notarial Activity (vol. 4) / ed. by I.G. Medvedev. – M.: Statute, 2015 // LRS ConsultantPlus.
17. Civil Code of the Russian Federation (Part 3) dated November 26, 2001 No. 146-FL (as amended on April 14, 2023) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4552.
18. Raape L. Private International Law / abbr. transl. from the 4th German ed. of A.M. Gurvich; ed. by and with preface of L.A. Lunts. – M.: Publishing House of Foreign Literature, 1960. – 608 p.
19. Blinova Yu.V. Adaptation of a Legal Entity in the EU Countries // International Public and Private Law. – 2018. – No. 3. – P. 9-12.
20. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part 3 (item-by-article) / ed. by A.P. Sergeev. – M.: Prospekt, 2016 // LRS ConsultantPlus.

Author's information

Blinova Yulia Viktorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Law Institute of the Altai State University. Address: 656049 Barnaul, Sotcialistichheskiy pr., 68; e-mail: jblinova@yandex.ru.